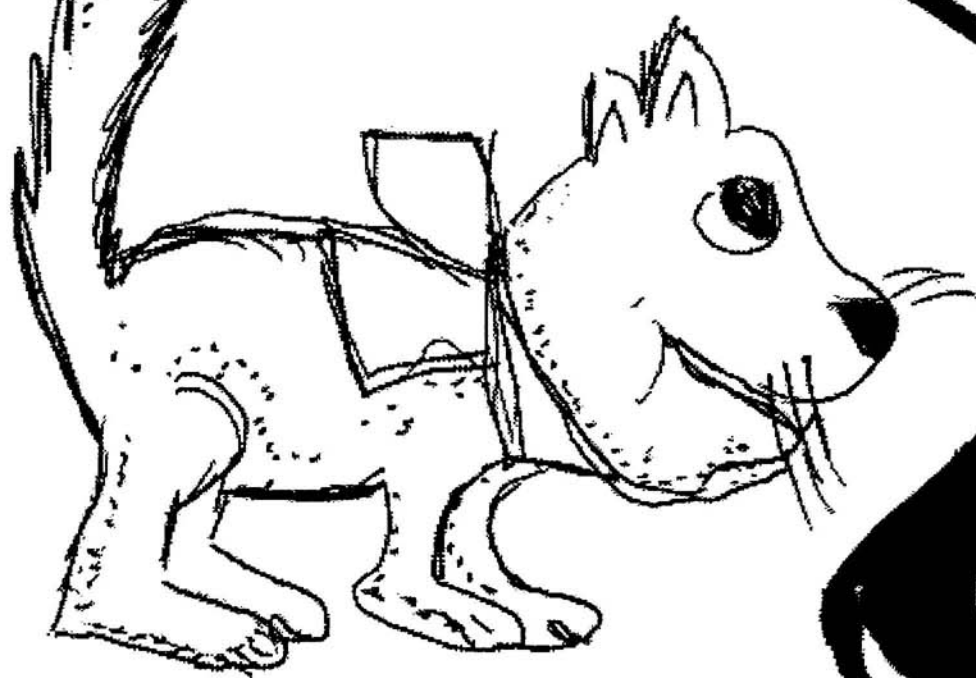
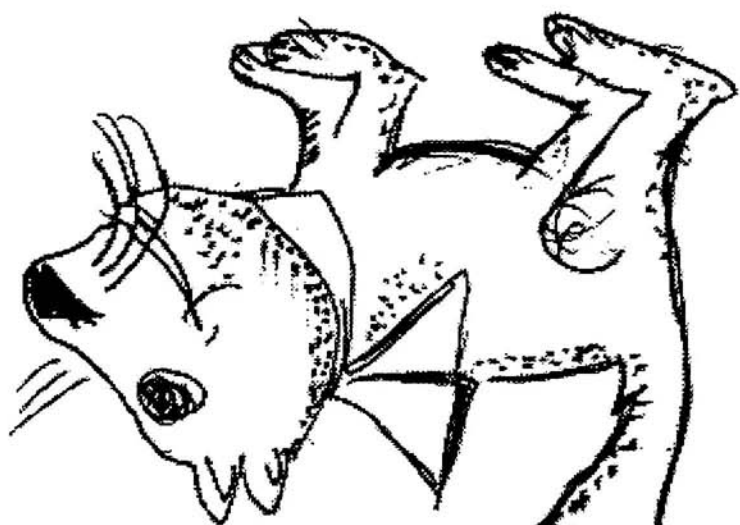






Здравствуйте, дорогие дети!

На чем же это я остановилась в прошлый раз? Ах да, на Динке-Блондинке и ее стихотворном вранье. Бабушка Динки-Блондинки называла ее стихи виршами. Она думала, что слово "вирши" происходит от слова "вруша". Может быть, так оно и есть, точно не знаю и врать не буду. "Раз соврамши – кто ж тебе поверит?" – как говорила бабушка Груня. Правильно в общем-то говорила, хотя и не вполне. Вот, к примеру, прочитаете вы один из Динкиных стишков про дедушку, тот, где написано: "Нарисован на картинке старичок в одном ботинке", а картинки-то и нет. Разве вы поверите всему остальному, что Динка-Блондинка насочиняла? Нет! А зря. Потому как некоторые строчки в ее виршах – чистейшая правда. Какие именно? Догадайтесь сами. Для того, чтобы легче было догадаться, объясню несколько слов, с которыми вы, быть может, не знакомы. Граммофон – это дедушка патефона, тартинки – внушки бутерброда, а канкан, как вы, наверное, уже смекнули, – веселый танец, когда ноги задирают до самого неба. Кто такие деверь и шурин, я сама толком не могу понять. Ясно одно – это дальние родственники неизвестного происхождения. Динка-Блондинка знала эти слова только понаслышке. "Слышала звон, да не знала, где он," – как говорила ее бабушка. Динка-Блондинка обожала разные смешные малознакомые словечки и всегда вставляла их в свои стихи к месту и не к месту. А ее бабушка очень любила повторять чужие умные фразы, которые иначе называются народной мудростью. И всегда вставляла их к месту и не к месту. Еще она любила назидательные истории. С одной такой историей вы сегодня познакомитесь. Но сначала – вирши Динки-Блондинки.

Три стихотворения
Динки-Блондинки И
ПРО
ДЕДУшку,
который на нее не сердился

Когда мой дедушка был мал,
А бабушка – моложе,
Он ей, признаться, обожал
Смешные корчить рожи.

С тех пор прошло уж много лет,
Мой дедушка подрос,
А бабушка ему в ответ
Привыкла строить нос.

Мой дедушка совсем ручной
Его я дрессирую.
Он шьёт себе колпак ночной
И юбки плиссирует,

Он прыгает через столы,
Не задевая стулья,
Он ест ватрушки из золы,
Живёт в пчелином улье.

Он крутит сальто и берёт
Барьеры и награды,
Он ходит задом-наперёд,
Ему повсюду рады!

Нарисован на картинке
Старичок в одном ботинке.
Ест он коржики, тартинки,
Граммофонные пластинки.

То мой дедушка-философ,
Он придумал сто вопросов.
Вот придумает сто первый
— И вконец испортит нервы.

А пока что старикан
Пляшет весело канкан.
Говорит, что без канкана
Очень грустно старикану.

СТИХОТВОРЕНИЕ

И Н КИ-БЛОН ДИ Н К И

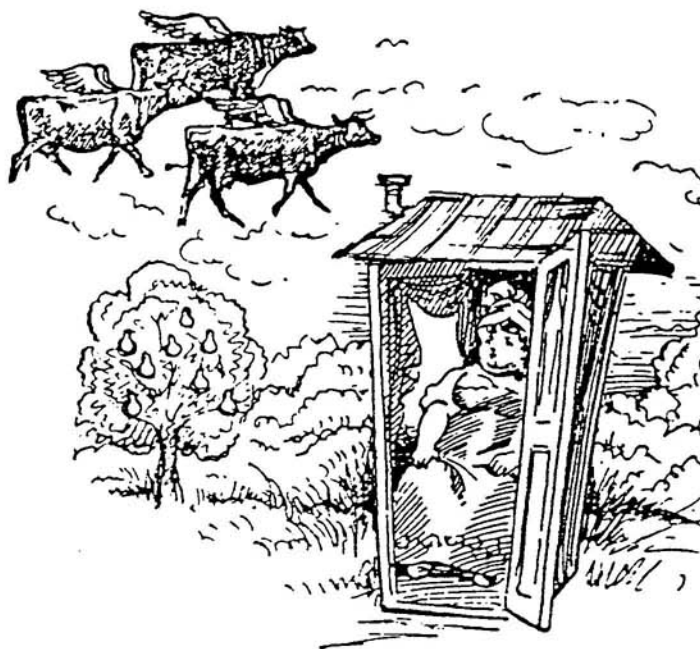
ПРО

АЛЬНИХ РОДСТВЕННИКОВ

Н Е И ЗВЕСТНОГО

ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Внучатый племянник троюродной тётки
Однажды плескался в клубничном компоте.
Прадедушка зятя схватил поварёшку
И начал беднягу топить понарошку.
Тут деверя шурина вступился в защиту —
Клубничный компот процедил через сито,
Чтоб в сите среди прочих варёных клубник
Внучатый племянник пред всеми возник,
Однако сквозь сито утёк озорник,
И шурина деверя главою поник.



ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

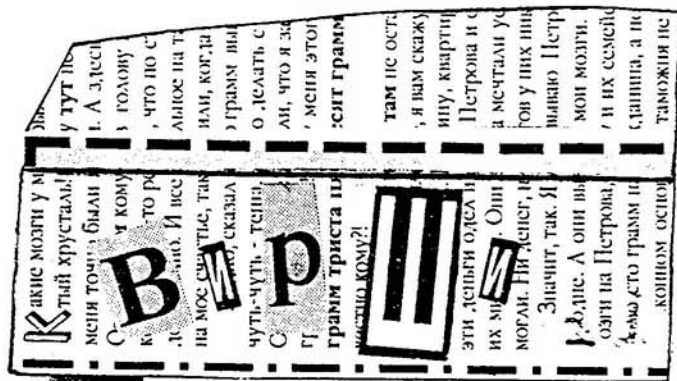
О НЕПРАВДОПОДОБНОМ ВРАНЬЕ,

РАССКАЗАННАЯ

БАБУШКО И

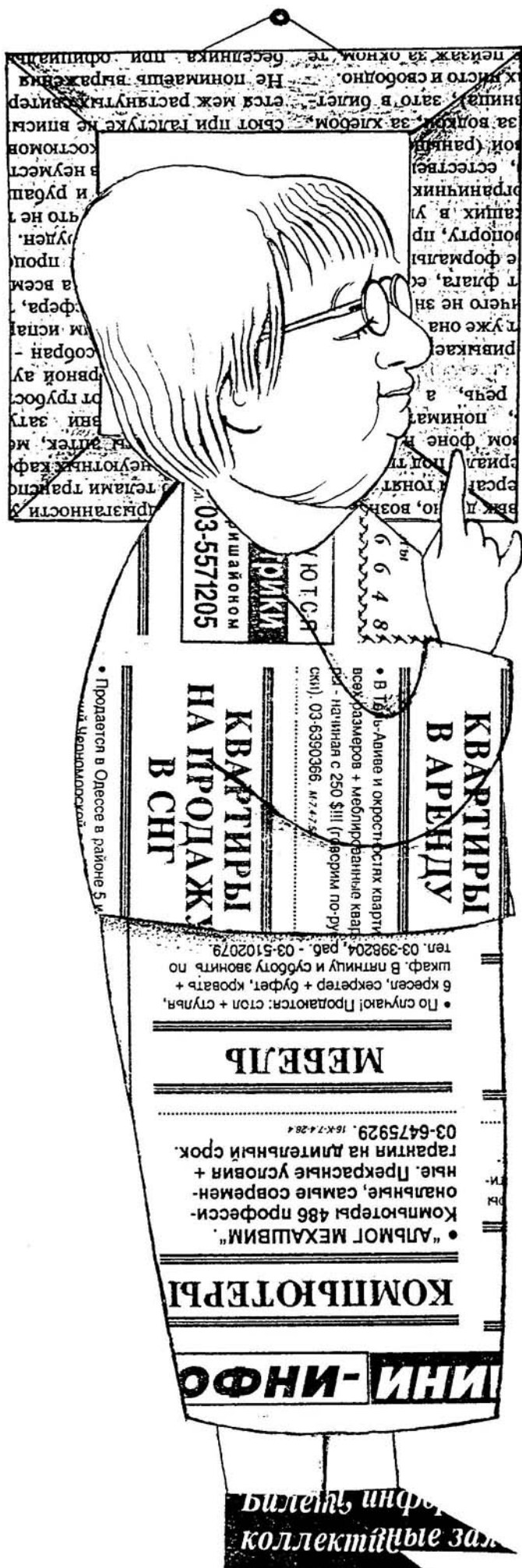
ГРУШЕ

Жила-была вруша. И звали ее, сами понимаете, Груша, Аграфена то есть. Как-то раз решила Аграфена всласть навратиться. Села на крылечко. Сама врет, сама слушает. Летели мимо коровы, одна другой и говорит: "Вона Графена сидит. У ей уши от вранья завяли уж!" Открыла Груша рот, а закрыть-то и не смогла — вот так вранье!



нет. Не

час?



Не поговорить ли нам наконец о чем-нибудь серьезном? О чем-нибудь важном и очень полезном? Например, о еде? Вы, конечно же, не сможете не согласиться со мной — ничего нет на свете более серьезного, важного и, к тому же, полезного.

Едой называется далеко не все, что едят люди. Например, никому еще не пришло в голову называть едой мармелад и шоколад. Вы спрашиваете почему? А я не знаю, что вам ответить... Пожалуй, вместо ответа я задам вам вопрос, который задала своей бабушке Динка-Блондинка.

Почему невкусное полезно мне всегда?

Щи, борщи и каши — скучная еда.

Почему мне вредно всё, что страшно вкусно?

Дико непонятно и ужасно грустно!

Может, эти правила — просто ерунда?

Что ответила Динке-Блондинке их общая с Мариком-Кошмариком бабушка, я, к сожалению, не слыхала. Может быть, она сказала: "Не болтай глупости!". А, может быть, рассказала какую-нибудь подходящую к случаю историю.

История

ПОДХОДЯЩАЯ

КАШЕ

В тридевятom царстве, в тридесyтом государстве жила коза. И звали ее Дереза. Работала она в детском саду воспитательницей. Поила детей молоком, кормила кашей, а тем, кто каши не ел, молока не пил, говорила волшебные слова:

— Кто каши не ест? Кто молока не пьет? Забодую, забодую!

Тут всякий ребенок как миленький кашу съедал и за милую душу молоко выпивал. Но вот однажды появилась в детском саду маленькая девочка. Каши не ест, молока не пьет. Коза ей говорит:

— Кто каши не ест? Кто молока не пьет? Забодую, забодую!

А девочке — хоть бы хны! Каши не ест, молока не пьет.

История **ун** у

НЕ ПОДХОДЯЩАЯ К С

— Бе-е-е, — вздохнула Дереза, — не иначе как на мои слова срок годности истек. Придется опять по белу свету мотаться да новые искать.

Повязала коза платочек и отправилась в дальний путь. Долго ли шла, коротко ли, пришла в незнакомый город и видит — сидят за каждым окошком бабушки старенькие и мальчишки-девочки маленькие. Бабушки говорят: "Скушай, деточка, ложечку за маму", — и толк — ложечки прямо мальчикам в рот. "Выпей, деточка, глоточек за папу", — и буль-буль-буль молочко прямо девочкам в рот.

— Эврика! — Воскликнула коза Дереза, что, как всем известно, кричат, совершив великое открытие. Эврика! — Воскликнула коза Дереза и поспешила восвояси. Долго ли шла, коротко ли, пришла коза в свой детский сад и видит — дети все поразбежались, сидит одна маленькая девочка в кастрюле из-под каши, стенки выскребает и приговаривает: "Эта ложечка за пладедушку, а эта — за тлююлодного тетинного дядю."

Как-то утром две русалки
На лугу играли в салки,
Но запутались в хвостах
И вскричали громко: "Ах!"
А потом вскричали: "Ох!"
Начался переполох.
Леший выругался вслух,
Филин мрачно бухнул: "Ух!"
А потом поднялся смех:
"На лугу русалки? Эх!"
Филин ухнул: "Чепуха!"
Водяной кивнул: "Уха!"
А русалки: "Хе-хе-хе!"
Кто же нас сварил в ухе?"



История **ун** у

ПОДХОДЯЩАЯ К С

Жила-была свекла по имени Фекла и капуста по имени Августа. Раз пришла к ним морковь по имени Любовь и спрашивает: "Не видали ли вы тут картошку по имени Антошка?" "Не видали, — говорят ей свекла по имени Фекла и капуста по имени Августа, — а пойд-ка ты на письменный стол по имени Толик и поищи там свою картошку по имени Антошка".

Пошла морковь по имени Любовь на письменный стол по имени Толик и спрашивает: "Нет ли здесь картошки по имени Антошка?". Рассердился письменный стол по имени Толик. "Нет, — говорит, — здесь твоей картошки по имени Антошка, а есть картон по имени Антон и бумажка по имени Наташка. А пойд-ка ты к корзинке по имени Аринка да поищи свою картошку по имени Антошка".

Побрела морковь по имени Любовь к корзинке по имени Аринка, а по дороге ее — плюх — да в кастрюльку по имени Акулька, да прихлопнули крышкой по имени Иришка. Там и встретила она с картошкой по имени Антошка, со свеклой по имени Фекла и с капустой по имени Августа. Был там и таракашка по имени Аркашка.



История

ПОДХОДЯЩАЯ КО ВСЯКОМУ

с ПУЧАЮ

Жили-были две старушки,
Смаковали с маком сушки.
Выковыривали мак
И съедали его так.
Остальное — угадали? —
И со вкусом доедали.



Да, еда... Об этом невозможно забыть. Об этом напоминают три, четыре, а иногда и пять раз на дню. Мало того, что заставляют завтракать, обедать и ужинать, так порой и полдничать зовут. Как говорила одна моя знакомая девочка, когда бабушка угощала ее яблоком: "Еще и апельсинчика предложат".

А чего стоят правила поведения за едой! Хотя бы такое: "Когда я ем, я глух и нем". Правило поедения! Вот и приходится порой человеку объясняться на языке жестов. Что уж тут удивляться, если его неправильно поняли. Один хорошо воспитанный мальчик так страшно закатывал глаза и корчил рожи, что родители испугались и вызвали "скорую помощь". А если бы ему позволяли разговаривать за столом, он бы им сразу мог объяснить, что его тошнит от молока с пенкой.

С Мариком-Кошмариком такой номер не прошел бы. Молчать он был не намерен. "Слово – серебро, а молчание – золото", – говорила ему бабушка Груня. Что ж, он не жадный. Он согласен и на серебро. Золото пусть получают другие. Он, Марик-Кошмарик, если уж на что не согласен, так это на лук, гадкий зеленый свежий лук. Стоило бабушке Груне начать какую-нибудь подходящую к случаю историю, как он тут же ее перебивал.

– Жил-был человек... – Начнет, бывало, бабушка Груня.

– Ну и что, скажешь, он очень любил лук? И ел его, пока не умер?

– Нет, лук он терпеть не мог...

– Может, оттого и умер?

– Нет, умер он от огорчения...

– Его дети лук не ели, что ли оттого?

– Марик, ты не любишь свою бабушку, – вздыхала бабушка Груня.

– Не люблю, если бабушка и лук – одно и то же, – грубил Марик-Кошмарик и начинал расщеплять лук на тонкие волокна. Потом он осторожно смачивал эти волокна слюной, и они завивались мелкими кудряшками.

– Вот что, – сказал однажды папа Марика-Кошмарика, – если ты съешь стрелку лука, я куплю тебе в подарок лук со стрелами.

– Всамделишный? Как у Робин Гуда? – Спросил Марик-Кошмарик и, не дожидаясь ответа, стал запихивать лук прямо себе в горло.

Весь день он громко икал, а вечером папа принес ему настоящий лук и настоящие стрелы в колчане.

– Я – Робин Гуд! – Заорал Марик-Кошмарик и, счастливый, отправился спать.

Утром на его тарелке снова лежали зеленые луковые стрелки.

– Съешь стрелку лука, Марик, – строго сказала бабушка Груня.

– Хорошо, – неожиданно согласился Марик-Кошмарик, достал стрелу из колчана и сразу же сунул ее себе в рот.

– Марик, что ты делаешь?! – Закричала испуганная бабушка.

– Ем стрелку лука, – сказал Марик-Кошмарик, спокойно вытащив стрелу изо рта, и сразу же сунул ее обратно.

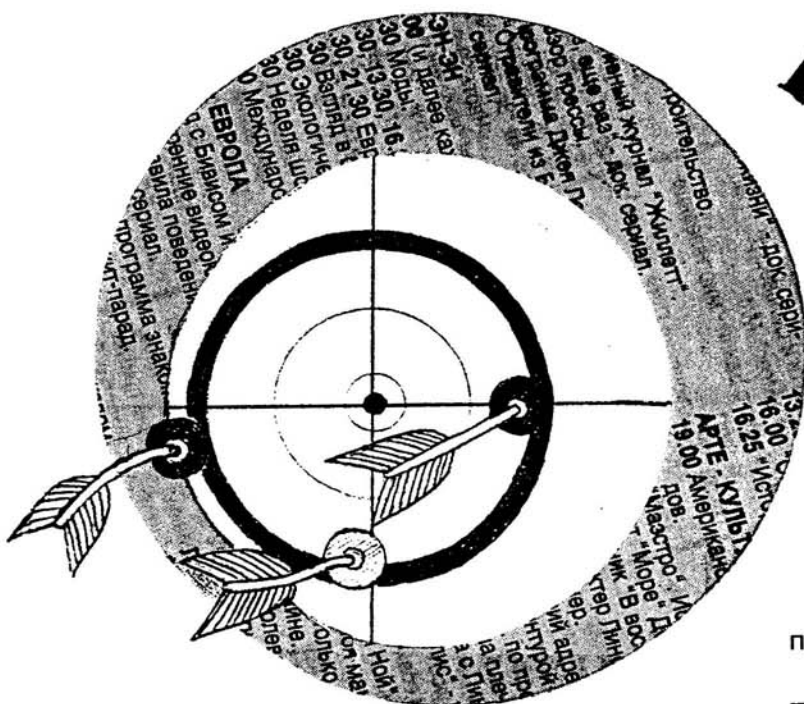
– Обещай мне, – закричала испуганная бабушка Груня, – никогда больше так не делать! Ты можешь задохнуться и умереть!

– Ну что, Робин Гуд, ты ел сегодня лук? – Спросил вечером папа Марика-Кошмарика.

– Нет, – скромно сказал Марик-Кошмарик, – я обещал бабушке никогда больше так не делать, потому что я могу задохнуться и умереть.

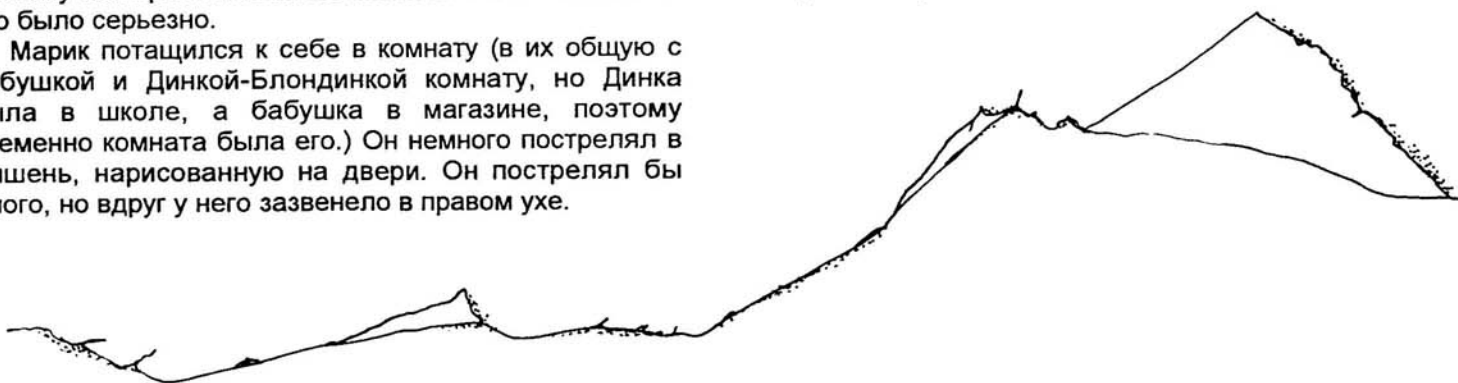


ИЗДАНИЕ ЛУК



Марик потащился к себе в комнату (в их общую с бабушкой и Динкой-Блондинкой комнату, но Динка была в школе, а бабушка в магазине, поэтому временно комната была его.) Он немного пострелял в мишень, нарисованную на двери. Он пострелял бы много, но вдруг у него зазвенело в правом ухе.

— Это Марик-Комарик, должно быть, — сказала мама, — от Мариков всегда много звона.





Мы так давно болтаем о серьезных материях, а ведь иногда хочется и о чепухе порассуждать. О каких-нибудь там фантиках от конфет, а еще лучше – о конфетах и прочих сладостях.

Так что, если вы ничего не имеете против, о сладостях мы сегодня и поговорим. Но прежде я все-таки должна рассказать вам о замечательной картине, которую нарисовал Марик-Кошмарик. Он нарисовал желтый круг и черный квадрат.

– Золотко, Маричек, – сказала бабушка Груня, – вот какое солнышко нарисовал. А это что такое черное?

– Такая картина уже есть, – задумчиво сказал папа, глядя на черный квадрат. – Ее нарисовал Малевич.

– Я не Малевич! – Заорал Марик. – Я художник!



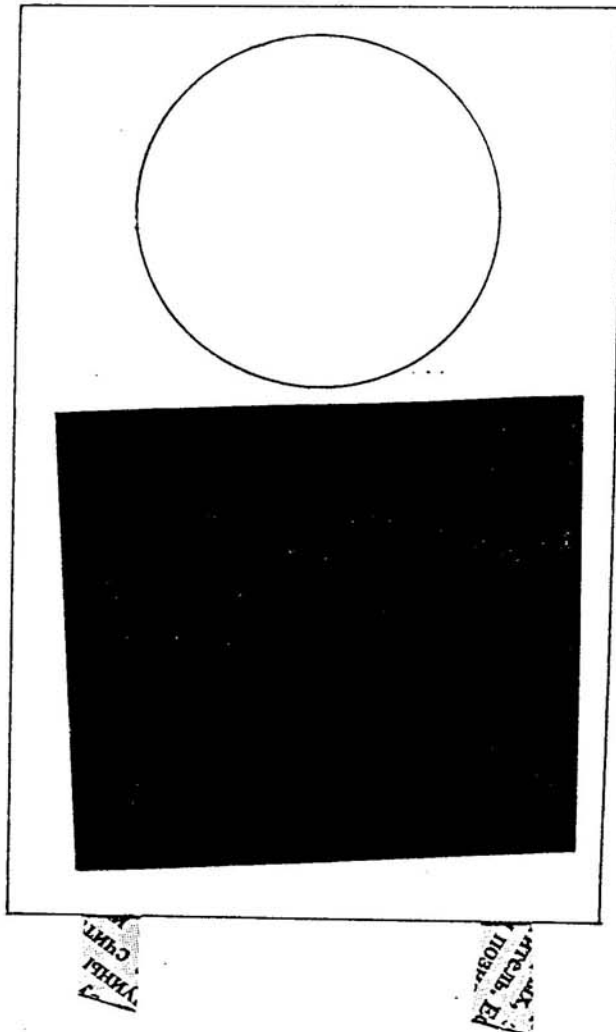
Марик-Кошмарик орал ровно полчаса. С шести тридцати до семи ноль-ноль. В семь вернулась домой мама.

– Какая удивительная картина! – Удивилась мама Марика-Кошмарика.

– Это – вчера и завтра, – объяснил ей Марик-Кошмарик с важным видом. – Бутерброд с сыром, который я съел вчера, и шоколадное пирожное, которое я съем завтра.

Но Марик-Кошмарик ошибся – пирожное он съел послезавтра, когда папа получил пособие по безработице, к тому же не черный квадрат, а черный треугольник, потому что это было не шоколадное пирожное, а кусок шоколадного торта.

Зато вы убедились теперь, что я просто обязана была рассказать вам эту историю, ведь она ровно наполовину – о серьезном, а наполовину – о чепухе. После такой подготовки можно перейти к совершенно неподходящей и абсолютно чепуховой истории, которую бабушка Груня поведала Марику-Кошмарiku за чаем.



С ОВСЕМ НЕПОДХОДЯЩАЯ История

Это случилось с Бусей, Гусей, Дусей, Зусей, Люсей, Мусей и Нюсей за чаем. К чаю был семислойный мармелад. В нем было семь слоев – малиновый, как малина, апельсиновый, как апельсин, розовый, как розовая роза, лимонный, как лимон, желтый, как желток, изумрудный, как изумрудная зелень в акварельном наборе, и белый, как белая пастила. Буся, Гуся, Дуся, Зуся, Люся, Муся и Нюся очень любили семислойный мармелад. Буся любила розовый слой, Гуся – малиновый, Дуся – изумрудный, Люся – апельсиновый, Муся и Нюся – лимонный и желтый, а Зуся, который, в общем-то, мармелад не любил, предпочитал слой белый, как белая пастила. Буся очень ловко разрежала мармелад вдоль на тонкие одноцветные полоски и разложила их на розетки. Розетку с малиновым мармеладом она протянула Гусе, а с изумрудным – Дусе. Но Гуся из вежливости передала свою розетку Люсе, которая из вежливости поставила ее перед Зусей. Дуся из вежливости передала свою розетку Мусе, которая из вежливости передвинула ее ближе к Нюсе. Тем временем Буся

протянула розетку с апельсиновым мармеладом Люсе, которая опять-таки из вежливости отдала ее Гусе, которая поставила ее прямо перед Бусей (из вежливости). В конце концов, у каждого оказался именно тот мармелад, который съесть было невозможно (даже из вежливости). У Зуси – изумрудный, у Муси с Нюсей – малиновый и розовый, у Дуси – лимонный, у Люси – белый, у Гуси – желтый, а у Буси – апельсиновый.

– Бу-у, – сказала Буся.
– Гу-у, – сказала Гуся.
– Ду-ду-ду, – сказала Дуся.
– Му-у, – сказала Муся.
– Ну-у, – сказала Нюся.
– Ку-ку, – сказала Люся.
– Почему бы нам не поменяться местами? – спросил Зуся.

– И впрямь, – сказали все и пересели по кругу.
Теперь перед Бусей стоял изумрудный мармелад, перед Зусей – розовый, перед Мусей – малиновый, перед Нюсей – белый, перед Люсей – лимонный, перед Дусей – желтый, а перед Гусей – апельсиновый.
– Час от часу не легче! – воскликнул Зуся.
– И впрямь! – сказали Буся, Гуся, Дуся, Люся, Муся и Нюся.



Маша Король

КАК КОТ КОРМИЛ ПТИЦ

Привет!

Меня зовут Кутя, и я - черный черт с большими рогами и с длинным хвостом. Ой! Я черный кот с большими ушами и длинным тонким хвостом. Все.

На мой день рождения я попросил разрешения кормить попугаев. Пошел в магазин, купил билет, зашел в клетку. Клетка большая и стеклянная, и в этой клетке много-много еды! Шутю, то есть шучу! И в этой клетке много-много птиц, попугаев. Самый маленький был желтый, а самый большой - синий.

Я держал на лапке трех птиц и кормил их зернами, и вдруг подлетел большой синий попугай, да как укусит меня! Я заорал, как бешенный, и от крика проснулся.

Это был сон! Ой, как хорошо!

Ладно, пока меня самого зовут есть... М-ням! Ваш Кутя.





Ася Трофимова

СКАЗКА ПРО ГУСЕНИЦУ И ДИНОЗАВРА

Жил-был динозавр, его звали Карлосон. Он очень любил бегать.

Однажды родилась гусеница. Она была красная с черными пятнышками. Динозавр позвал гусеницу бегать наперегонки. А гусеница сказала: "У меня такие маленькие и слабенькие ножки".

– Но давай попробуем, – сказал динозавр.

– Давай, попробуем.

И они побежали. В первый раз обогнал динозавр, потому что гусеница ползла, а не бежала. Но у гусеницы были пятнышки, а в пятнышках много силы, и она могла летать, как ракета, но просто не знала, что могла летать.

В это время приползла божья коровка. Она позвала гусеницу и динозавра в гости. Они попили чай и пошли в парк играть. Там они встретили лягушку, у нее был братик слоник по имени Пумба.

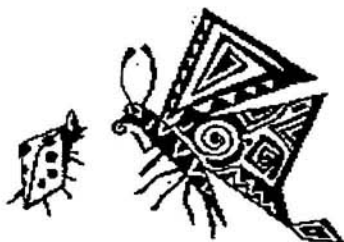
Динозавр снова предложил всем бегать наперегонки.

– Три-четыре, побежали, – крикнул динозавр.

Все побежали и все обогнали гусеницу. Даже лягушка, и та обогнала гусеницу. Гусеница ползла медленно-медленно. И тогда все стали смеяться над ней. Гусенице стало очень грустно, она обиделась и спряталась от них в своем коконе. Только божья коровка не смеялась, она постучалась в кокон, гусеницы и сказала:

– Милая гусеница, не обижайтесь, пожалуйста, нам всем очень стыдно. Простите нас, давайте играть вместе, мы больше не будем смеяться над вами.

И гусеница вылезла из своего кокона. Она не заметила даже, что превратилась в бабочку.



Рисунки Н.Зингера

Юлия Винер

Три зверюшки

Жили-были три зверюшки,
По прозванию Четверушки.
Был у Четверушек дом,
Жили в нем они втроём.

Жили в нем они привольно,
В этом доме треугольном,
Было там всего по три,
В этом домике внутри:

Три замочка на двери,
Три стены и пола три,
Три угла и три окна,
(Правда, крыша лишь одна)
Три столовых, три гостиных,
И санузел триединый.

Три кровати, три подушки,
Три тарелки и три кружки,
Три расчёски для усов,
Три бархотки для хвостов,
Три совка и три метёлки,
Три трилогии на полке,
Три аквариума с тритонами,
Три горшка с трилистниками зелёными.

А у каждой Четверушки –
По три лапки, по три ушка,
По три глаза, по три зуба
И по три пушистых шубы.

И у каждой по трельяжу –
По три зеркала на каждом –
И под каждым под трельяжем
Три ковра из трикотажа,
Чтобы вместе отражаться
В триединой ситуации.

Так, имея всё что нужно,
Три подружки жили дружно,
На треножниках сидели,
Вместе ели, вместе пели,
Вместе триптих рисовали

И треухи починали,
Вместе жарили котлеты
И писали триолеты,
Побывали даже вместе
В славном городе Триесте.

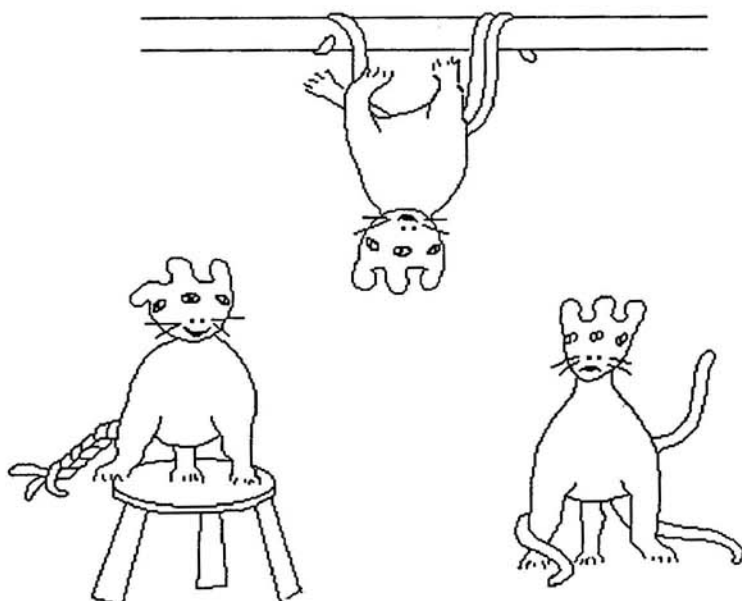
Вот однажды – а день был ветреный –
Никуда не пошли зверюшки.
Занимались они тригонометрией,
И сказала одна Четверушка:

Ах, подружка, посмотри,
Нас ведь ровно-ровно три.
Почему же нас народ
Четверушками зовет?

Четверушка номер два
Отвечала: ты права
Надо, видимо, подружки,
Называться нам "Троюшки".

Ну, а третья Четверушка
Так сказала: нет, подружка,
Негоже нам зваться Троюшками,
И слушайте всеми ушками:

Наше имя – наша сила,
И поверьте: некрасиво,
Просто горе и беда,
Отказаться навсегда
От древнего и почётного
Нашего имени чётного.



Пьер Ришар

ВЕРБЛЮД, У КОТОРОГО НЕ БЫЛО ГОРБА

Однажды кенгуренок Тупи прогуливался по пустыне. Гуляя, он встретил верблюдика. Верблюдик сидел в уголке и плакал. Это был такой пустынный уголок, где он плакал. Надо сказать, уголки не часты на пустынных просторах. Так верблюдик сидел и плакал. Тупи-кенгурёнок полез было в сумку, чтобы достать платок, утереть верблюдике слезы... Но тогда же он вспомнил, что сумки-то у него нет. И в самом деле, Тупи не был похож на других кенгуру: у него не было сумки, он охотно бегал на четырех лапах и иногда развлекался, лая, как собака.

– Почему ты плачешь? – Спросил Тупи у верблюдика. Он не нашел платка, увы...

– Я хочу пить. Я умру от жажды, если не попью, – ответил гордый корабль пустыни, раскачиваясь в разные стороны.

– Ты так долго не пил? – Тупи был явно обеспокоен.

– Почти целый час! – Простонал рыдающий. Тупи не поверил своим ушам...

Он помнил, что у верблюдов есть такая особенность, что они могут идти по пустыне долго-долго и обходиться совсем без воды, потому что они запасают ее в горбах.

– Его горбы опустели, вот что! – Подумал кенгуренок. Но, приглядевшись, Тупи все понял: у бедного верблюдика вообще не было горба. Спина у него была плоская, как у лошади!

Какой ужас!

– Уж так, – вздохнул верблюдик, – этот существенный недостаток значительно сужает мое поле деятельности. Мне все время хочется пить.

– Это должно быть чудовищно для верблюда, – подумал Тупи.

– У дромадера и то есть хоть один горб. Он выдерживает вполтину меньше, чем обычный двугорбый верблюд. А у меня и того нет. Через сто метров у меня уже пересыхает в горле! – Воскликнул жаждущий.

Тупи стало очень жаль бедное животное.

– Как тебя зовут?

– Безгорб, – ответил верблюдик. – Скажи, ты не мог бы принести мне попить в своей сумке?





– В том-то и штука, что у меня тоже нет как нет сумки, – сказал Тупи.

– Почему ты говоришь “тоже”? У меня и не должно быть сумки!

Таким образом, беседа зашла в тупик. А все потому, что каждый говорил о своем несчастье.

– Чудовищна эта немилость от природы, – объяснял Безгорб. – Мало того, что задевают меня, все так и крутятся вокруг, чтобы похлопать меня по плоской спине.

– А зачем им хочется похлопать тебя по плоской спине? – Удивленно спросил Тупи. Он был явно заинтригован.

– Им кажется, что это приносит удачу, – ответил Безгорб, – но я-то понимаю, что они просто смеются над моим недостатком. “О! У него нет горба! У него горба!”

– Обо мне говорят то же самое, – сказал Тупи верблюдику Безгорбу, чтобы хоть как-то его утешить.

– Что у тебя нет горба?

– Нет, что у меня нет сумки! Еще мне не хватало, чтобы у меня был горб!

Тупи чувствовал, что нашел себе друга. В три прыжка (это так говорится, потому что на самом деле их было двести семнадцать) Тупи доскакал до реки. Он взял ведро, наполнил его водой и быстро, как только мог, вернулся к верблюдику.

Увы, с каждым прыжком он расплескивал немного воды. Чем меньше становилось воды, тем легче ему было прыгать, тем воздушней становились его прыжки, и вода выплескивалась еще и еще.

– Вот, – сказал он Безгорбу, протягивая ему ведро. Ведро было пусто. Безгорб заметно слабел...

Беспокоясь, как бы не потерять нового друга, Тупи вновь поспешил к воде. Ему удалось преодолеть ту же дистанцию всего за сто девяносто восемь прыжков. Он обожал считать прыжки, а еще и измерять их. По вечерам он любил задавать себе разного рода кенгуриные задачки, например: “Я сделал 658 прыжков за 2,27 метров за один час; какое расстояние я мог бы преодолеть за двадцать минут, укорачивая один из семи прыжков на 70 см.”

На этот раз он возвращался пешком, если можно так выразиться. Иначе говоря, не прыгая, а волочась, не слишком отрываясь от земли. Он ковылял и ковылял и, честно сказать, от всего этого ужасно устал.

А еще он боялся, как бы не прийти слишком поздно. Тогда ему в голову пришла такая мысль: что, если все-таки прыгать и, прыгая, подбрасывать ведро перед собой, а потом, разумеется, ловить его, снова подпрыгивая и подбрасывая его вперед, и т.д. Ведро, таким образом, будет находиться все время в вертикальном состоянии, горизонтально Земле, как это можно видеть на рисунке. Таким образом не прольется ни одной капли из содержимого ведра. Таким вот образом он

доскакал до своего распластанного друга.

Верблюдик выпил все одним махом.

Тупи совершил, спасая друга, еще шесть таких проскоков. Он совершенно изнемог, пока Безгорб не утолил первую жажду.

Пора было возвращаться домой, и Безгорб предложил кенгуренку прокатиться у него на спине.

Тупи колебался; ему никогда прежде не доводилось скакать верхом на верблюде.

– Только ты не устраивайся, как на верблюде! – Сказал ему Безгорб. – Со мной надо держаться, как на лошади.

Это как будто успокоило Тупи, и он влез на верблюдика. Тогда же он вспомнил, что и на лошади он никогда прежде не скакал.

Их загадочный экипаж, верблюдик без горба с кенгуренком без сумки, ворвался в стойбище родичей Тупи.

– Слезай немедленно! – Испугалась его Мама. – Посмотрите на этого озуруна. Хочешь себе горб заработать, позвоночник сломать!

– Не беспокойтесь, сударыня, – вежливо поклонился Безгорб. – Горб не самая плохая вещь, какая только есть на свете.

Верблюдика самую малость задело излияние Мама Тупи, и Мама Тупи почувствовала, что самую малость обидела верблюдика. И тогда она из вежливости предложила ему выпить чашечку чая, и Верблюдик из вежливости не отказался, тем более, что его снова мучила жажда.

Поглотив по крайней мере четыреста чашек чая, Безгорб вежливо откланялся. Тупи тоже столько выпил “за компанию”, что не заметил, как стал поднимать ножку на каждом углу, как самая обыкновенная дворняжка. Мама Тупи, и без того в ужасе, что выпили весь запас драгоценного индийского чая, такого поведения не могла снести даже от собственного чада.

– Иди, проводи своего друга! – Сказала она Тупи.

Вот так вот. В пустынном уголке прикорнули, обнявшись, верблюд без горба и кенгуру без сумки...

Издалека в сумерках можно было бы сказать, что это спят, обнявшись, собака и лошадь...

Пересказал Феликс Хушинский



И. Зандман

ВИРЛУВЕ УХОДИТ ИЗ ДОМА

(Продолжение)

Жженый сахар и женская душа.

Вирлуве спрятал Барнабу в прихожей между зонтиками и отправился к тете, полный решимости принять первый удар на себя.

– Тетя, – произнес он, нарочито напирая на согласные, – тет-тя, я мужчина в доме, и у меня гость, Барнаба, Бродяга и Бард. Я пригласил его к чаю.

Выговорив эту тираду, Вирлуве сник, мужество покинуло его.

– Мне не нужны мужчины в этом доме, – провозгласила тетя. – Особенно мужчины, приволакивающие в дом честной порядочной женщины целую шайку бродяг. Чем прикажешь их угощать, если все мое воздушное печенье съедено прожорливым животным, именующим себя мужчиной?

– Неправда, – осмелился вставить Вирлуве, – это все она...

– Мамзель, – раздался неожиданно голос Барнабы, – извините за вторжение. Барнаба, Бродяга и Бард в моем лице приветствуют столь очаровательную особу. Что касается печенья, то это, конечно, невосполнимая потеря, но нам с моим другом сойдет и чай со жженым сахаром, если позволите.

Тут Барнаба расшаркался и помахал перед тетиным носом голубым цилиндром.

– Вы, я полагаю, старшая сестра моего юного друга? – Почтительно поинтересовался Барнаба.

– Не совсем, – смущенно вздохнула тетя.

Вирлуве захихикал. Барнаба пнул его в бок и продолжал:

– Ах, простите глупцу, конечно, младшая.

Вирлуве захихикал еще неудержимее. Барнаба снова пнул его в бок, а тетя – в другой.



– Нет, – наконец выговорил Вирлуве, умирая от смеха, – ты еще скажи, что она моя внучатая племянница!

Тетя метнула на него суровый взгляд.

– Я, к сожалению, тетя этого сорванца, – объяснила она Барнабе, – этого сорванца, которого вы по неизвестным причинам удостоили своей дружбы.

И тетя важно прошествовала на кухню в сопровождении Барнабы. Вирлуве тащился сзади.

– Ах, – мечтательно произнесла тетя, глядя, как плавится сахар, становясь желтым и прозрачным, как янтарь, – все мы любили жженный сахар в детстве, но кто из нас не изменил ему – и я, и он, и они...

– Ну уж, дудки! – Заявил Вирлуве, хрустя леденцами, когда все они сидели в гостиной за круглым столом, накрытым к чаю. – Черта с два я предам жженный сахар.

Барнаба промолчал, а тетя загадочно улыбнулась. После чая Барнабе и Вирлуве постелили валиком на диване. Но они не успокоились, пока не перевернули все вверх дном и не вспороли брюхо подушечному бегемоту.

– Кто поймет эту женскую душу? – Протянул Барнаба, засыпая. – А знаешь, тетя у тебя довольно милая...

– Поживешь – увидишь, – фыркнул Вирлуве и уснул.

Вирлуве и коллекция

Когда Вирлуве проснулся, Барнаба уже сидел рядом в цилиндре. Вообще-то он ходил без цилиндра в доме, но по утрам обязательно нахлобучивал его, едва открыв глаза.

– Иначе туалет не был бы полон, – объяснял он Вирлуве и засвистел.

Вирлуве не придавал никакого значения туалету. Всем нарядам он предпочитал большой купальный халат, белый в красную крапинку. Правда, с появлением тети с халатом было покончено. Вирлуве со вздохом прыгнул в узкие брючки и потянулся за курткой. Из кармана высыпались несколько пуговиц, камень с дыркой, камень без дырки и с разводами, немного гаек и еще кое-какая мелочь.

– Коллекция, – небрежно пояснил Вирлуве и бросился на пол собирать рассыпанное имущество. – Я ее коплю.

– Копишь? – Удивился Барнаба, и брови его поползли вверх.

– Коплю, – повторил Вирлуве, распахивая кое-какую мелочь по карманам и вставая с колен. – Видишь ли, на свете столько замечательных сокровищ, что просто сердце кровью обливается, когда их поддают ногой, мнут, рвут и выкидывают. Всякие камешки, скрепки, фантики, бечевочки... Все это может когда-нибудь пригодиться. Вот, например, изобрету я вечный двигатель, а гаечки не хватит, тут я роюсь в коллекции и вытаскиваю как раз подходящую гаечку. Бывают и всякие превращения – собираю, к примеру, гусениц – бац, а они в куколок превратились. Тогда собираю куколок, а они – раз, раз – и в бабочек. Бабочек я выпускаю, и коллекции нет как нет.

– А у меня тоже, – начал было Барнаба, но тут появилась тетя и позвала всех

завтракать на кухню.

Гренки были чудесны – в меру промаслены и поджарены в самый раз. Чай с клубничным вареньем и конфетами – тоже неплох. За столом было тихо. Почти. Только у Вирлуве слегка трещало за ушами, а Барнаба присвистывал через дырку от выпавшего зуба. Тетя ритмично постукивала вилкой и ножом.

– Как и полагается современной женщине, – с удовлетворением подумал Вирлуве. Но вдруг глаза его округлились от ужаса, и, закричав “Караул!”, он ринулся в мусорное ведро.

– Я же просил вас, тетя, – объяснил он, вылезая и отряхиваясь, – никогда, понимаете, никогда не выкидывать фантики от шоколадных конфет!

Барнаба и коллекция

Тетя мыла Вирлуве. Собственноручно. Долго. Методично. Она безостановочно орудовала мылом, мочалкой, массажной щеткой, зубной щеткой, щеткой для ногтей, расческой и еще чем-то, кажется, зубочисткой.

– Тетя, – сказал Вирлуве, – вы похожи на восьмирукого Шиву.

– Друг мой, если здесь кто и вшивый, то это уж никак не я, – отрезала тетя далеко не дружелюбно, – и если у меня восемь рук, то одной я вполне могу прикрыть тебе рот.

Она шлепнула Вирлуве по губам и принялась яростно растирать его полотенцем.

– А теперь, – заявила тетя, натянув на Вирлуве ночную рубашку и удовлетворенно оглядев дело своих рук, – теперь ты ляжешь в постель и пробудешь там до обеда.

Брыкаться было бесполезно. Ругаться – бессмысленно. Плакать – тоже.

– В конце концов, – философски решил Вирлуве, – это недостойно мужчины.

Он сидел на диване, утопая в подушках, и печально смотрел в потолок.

– Женщины! – Вздохнул Барнаба. – Что с них возьмешь.

– Да, – кивнул Вирлуве. – Лучше об этом не думать. Ты, кажется, говорил, что тоже копишь, или я ошибаюсь?

– Коплю? – Улыбнулся Барнаба. – Можно и так сказать. Я коплю дома, улицы, переулки в горку и под горку, флюгера, башенки, деревья, цветы, окна, двери, собак, птиц. В общем, все, что попадается мне по дороге. Кошек я тоже коплю. Есть очень интересные экземпляры. Одну я встретил неподалеку – рыжая, как огонь. А еще одна никогда не мяукает и не ловит мышей.

– Врешь? – Прошептал Вирлуве, так, не утверждая, а, скорее, спрашивая.

– Да она жестяная, знаешь, на флюгере.

– И все это твое? – Присвистнул от восхищения Вирлуве.

– Конечно, мое.

– А где ты все это спрятал?

– Вот тут, – рассмеялся Барнаба и постучал себя по лбу.

Вирлуве был поражен. Так много всего, просто всякая всячина помещается под голубым выцветшим цилиндром.

– Слушай, Барнаба, – тихонько попросил он, немного подумав, – давай меняться!

Табачный дым

и дамские штучки

Вирлуве часто оказывался пророком. Особенно, когда дело касалось чего-нибудь плохого. Стоило ему сказать: “Будет дождь” – и шел ливень, стоило ему сказать: “Поживешь-увидишь”, и Барнаба увидел.

– Фройляйн, – важно произнес Барнаба, вытерев под носом, где по его мнению давно пора было показаться усам, – мамзель, обед был восхитителен, благодарю. А теперь, когда, я полагаю, дамы нас покинут, мужчины



смогут выкурить по трубочке. Не так ли, фрекен?

Если бы Барнаба знал, что в юности тетя читала членам закрытого мужского клуба лекцию о вреде табака, а в последующие годы состояла в Антиникотиновом обществе хороших хозяек, он бы несомненно был лучше подготовлен к той буре, которая пронеслась над его головой. Во всяком случае, цилиндр остался бы на месте, не потревоженный градом вилок и ложек.

– Бездельник, лоботряс, шалопай! – Басила тетя, целясь в Барнабу половником. – Ты обманом втерся в приличный дом, а теперь...

– Что она так разоряется? – Поинтересовался Барнаба.

– Ты наступил ей на мозоль, – шепнул Вирлуве и спрятался под табуретку.

– Странно, что-то не заметил, – удивился Барнаба и последовал за ним.

– Фрекен, – глухим голосом произнес Барнаба из-под табуретки. – Я прошу простить мне мой невольный промах. Мозоль на вашей ножке для меня священна!

– Мозоль, какая мозоль! – Вопила тетя. – У меня нет мозолей, я делаю педикюр. Я... я... в приличном доме, в приличном доме говорить о трубке!

– По-моему, ее кто-то режет, – заметил Вирлуве довольно равнодушно и даже не выглянул из своего укрытия.

– Мамзель, – заявил Барнаба, замогильным голосом, – вы оскорбили меня в доме моего лучшего друга. Я не виноват, если некоторые, – тут он высунулся и вызывающе посмотрел на онемевшую тетю, – если некоторые не переносят честного табачного дыма. Я вынужден покинуть сей негостеприимный кров. Я удаляюсь.

И с невозмутимым видом Барнаба вылез из-под табуретки, натянул до ушей цилиндр и направился к выходу.

– Постой, – окликнул его Вирлуве, – я с тобой. Не обращай внимания на эти дамские штучки.

Решительный шаг и Просто Пиня

Солнце утомленно пылало. Они стояли на крыльце, обхватив друг друга за плечи и покачивали головами в такт одолевавшим их мыслям.

– Барнаба, – первым нарушил молчание Вирлуве, – это конец. Я больше никогда не смогу вернуться под родной кров. Мало того, что она обращается со мной, как с маленьким, так она еще оскорбляет моего друга. Барнаба, ноги моей больше здесь будет, я пойду с тобой.

Это была торжественная минута.

– Вирлуве, друг, – произнес растроганный Барнаба, – это решительный шаг. Мы пойдем с тобой все вдаль, вдаль. И я подарю тебе свою коллекцию.

– И тогда это будет наша коллекция, – взволнованно прошептал Вирлуве.

Они помолчали. Возможно, они молчали бы еще долго, если бы кусты сирени не зашевелились, и из них не вылез мальчик.

– Пи-пи-пиня, – пропищал мальчик и засунул палец в нос.

– Что? Что? – В один голос переспросили Барнаба и Вирлуве.

– Просто Пиня, – объяснил мальчик. – Имя такое.

– Ясно, Просто Пиня, – покровительственно улыбнулся Барнаба. – А что же ты палец в носу держишь, Просто Пиня?

– Чтоб дырки больше были, – охотно ответил Просто Пиня.

– Зачем это? – Заинтересовался Вирлуве.

– Яйца на носу держать и разные другие штуки, – сказал Просто Пиня и покрутил пальцем в носу.

– Ты чей? – Спросил Вирлуве.

– Да, что же ты без взрослых, Просто Пиня? – Подхватил Барнаба.

– Задастся, – кивнул Просто Пиня Вирлуве. – Я бабушкин. А бабушка в город уехала. А я один остался, то есть совсем, конечно, не страшно. А то чего это, она в город, а я тоже хочу. Вот и пошел. И заблудился... – Печально добавил Просто Пиня.

– Ну что же, – задумчиво произнес Барнаба и посмотрел в пространство, – я думаю, мы могли бы взять тебя с собой. Только не сейчас. Сейчас я бы хотел выкурить, наконец, свою послеобеденную трубочку.

И Барнаба извлек откуда-то маленькую деревянную трубочку, вышитый кисет, набил трубку и затаился с важным видом. Просто Пиня и Вирлуве стояли в восторженном оцепенении.

– Барнаба, – осторожно позвал Вирлуве, – дай затаиться.

Барнаба протянул ему трубку. Вирлуве вдохнул горький ароматный дым и закашлялся. Барнаба, солнце, кусты сирени и Просто Пиня поплыли перед глазами.

– Слабо! – Презрительно бросил Просто Пиня.

– Да это я так, продуло, наверное, – оправдывался Вирлуве и великодушно протянул трубку Просто Пине.

– Спасибо! – Поблагодарил Просто Пиня, но трубку не взял. – Бабушка говорит – курить вредно. Нет, я, конечно, не слушаюсь. Но сейчас и в самом деле, пожалуй, прохладно.

Последние сборы и высокопарная речь

Вирлуве никогда не произносил речь. Это было ниже его достоинства. Да и случая как-то не представлялось. Но сейчас, суетясь и хлопоча, он все время ощущал какое-то странное чувство – как будто что-то внутри него прыгало и скакало от нетерпения.

Он в последний раз зашел в свой дом, когда стемнело и тетьа уже спала. При свете луны комнаты казались необычными, почти незнакомыми. Сквернослов спал на подоконнике. Вирлуве взял его на руки.

– Дур-рак, пр-редатель, – нежно прохрипел скворец и снова замолк.

Осторожно, стараясь не шуметь, Вирлуве пробрался на кухню и побросал содержимое буфета и холодильника в мешок. Пожалуй, все было готово. Вирлуве послал воздушный поцелуй тете и вышел, пытаясь не наступать на самые скрипучие половицы.

– Ничего себе мешочек! – Захлопал в ладоши Просто Пиня.

– Да, – гордо сказал Вирлуве, – думаю, тете завтра придется снова делать заказ по телефону. Здесь недельный запас.

– Думаю, нам придется впрячься в этот недельный запас, – проворочал Барнаба.

– Друзья мои, – неожиданно для самого себя перебил его Вирлуве, – друзья мои, не будем омрачать необыкновенное, неясное чувство, полное ожидания и грез. Мы пойдем рука об руку по дороге в горку, и под горку, все вдаль и вдаль, деля радости и печали. Возможно, мы встретим опасности, возможно, нас ждут чудеса, кентавры и лешие, водяницы и дриады будут глядеть на нас из лесных куш. Мы пройдем мимо чужих праздников, взяв себе лишь каплю радости для глаз, чтобы смыть обиды и огорчения... – Вирлуве говорил и говорил и сам не знал, откуда берутся эти удивительные, ни на что не похожие слова.

– Во дает, – присвистнул Просто Пиня. – С ним это часто?



Док. Н.Резниг

Прогулки до половины девятого

(Продолжение)

9

Несмотря на скандал, разразившийся после истории с телерекламой, после клятвы на Брэме¹ больше так не делать, Ноах не собирался сидеть сложа руки.

- Бедный папа, - думал он. - Как это можно быть таким принципиальным! Ведь ему позарез нужны деньги на ловлю Левиафана, а он наотрез отказался иметь дело с рекламой. "Нельзя спекулировать за счет животных" - вот как он выразился. Эх, хорошо было бы погладить его львиную голову, сказать что-нибудь утешительное, вроде "ну, ну, старина, выше нос!"

Ши-Ю тоже очень жалела директора.

- Теперь такие люди - редкость, - значительно сказала она. - И знаешь, он прав. Я гораздо лучше чувствую себя без ползунков. Надо придумать что-нибудь другое.

Они отправились гулять по городу, на ходу придумывая разные способы добывания миллионов и тут же отказывались от них.

Они зашли в гости к владельцу китайского ресторанички Юаню, отзывавшемуся на имя Джерри. Расставляя столики в саду и угощая друзей вчерашними ананасами в тесте, Юань печально качал головой:

- Сам бы зналь, лязви бы лаботаль?

В это время в окошке появилась круглая голова в больших очках и снова исчезла. Снова появилась и снова исчезла. И еще, и еще. Казалось, она подскакивает на пружине. Вдруг голова возникла в дверях, и выяснилось, что она сидит на маленьком тельце с ногами-спичками, находившимися в постоянном движении.

Одним словом, круглая голова принадлежала довольно странному мальчику.

- Ого! - закричал мальчик с порога. - Эге! Ни фиги себе!

Он так выпучил глаза, что очки сами собой сползли у него с носа.

- Меня зовут Ноах, - важно представился Ноах. - Это - Ши-Ю. Мы с ней гуляем. А тебя как зовут?

- А меня-то звать Феликсом, - сказал мальчик, теребя пуговицы на рубашке. - Но вообще-то меня все зовут Доцентом.² Можно ее погладить?

- У нее и спроси, - сдержанно ответил Ноах.

Ши-Ю не имела ничего против. Доцент дважды провел ладошкой по ее голове, после чего исполнил на своих ножках-спичках буйный танец, сопровождавшийся ликующими криками.

- Эй, тише, животное напугаешь, - предупредил Ноах. - Ты чего это?

- Я, предупреждаю, нервный, - радостно сообщил Доцент. - Даже у врачей наблюдаюсь. Родители говорят, что я слишком много думаю.

- Вот и чудненько, - обрадовался Ноах. - Вот сядь и подумай. Одна голова хорошо, а две лучше. Подумай, где можно взять несколько миллионов?

- А для чего тебе? - спросил Доцент, болтая в воздухе ногами и откусывая сразу от двух кусочков ананаса. - Деньги очень любишь?

- Совсем нет. Газеты читаешь? Надо организовать очень дорогостоящую экспедицию на Тихий океан, чтобы поймать для зоопарка Левиафана - страшно огромное чудовище.

Доцент начал так ожесточенно думать, что лоб его сложился гармошкой, а лицо приобрело зверское выражение.

- Конечно, - сказал он, - если я закачу родителям страшную истерику и буду орать не своим голосом, они на все пойдут, чтобы я успокоился. Но таких денег у них нет. Олим-хадашим, и хаим у них кашим...

Он все думал и думал. Кончилось это тем, что у него разболелась голова.

- Здоровье у меня не очень-то, - объяснил он. - Поэтому иногда меня зовут еще Дохликом. Родители уверяют, что я погибну здесь в Израиле без дачи. "Летом, - говорит мама, - ребенок должен быть на даче и дышать свежим воздухом. К тому же, поездка на дачу может оградить его от книг. А здесь, среди этих пыльных камней..."

- Идея, - прервал его Ноах. - С завтрашнего утра устраиваем дачу, гуляем на свежем воздухе. Может быть, мозги лучше заработают...

- Где это?

- В Гееноме³. Решено, встречаемся у Синематеки в семь. Понятно, Дохлик? В семь, в Гееноме.

PERUTZ PR 100



13

4A

4

На следующий день Доцент приветствовал Ноаха и Ши-Ю радостными криками. Он скакал по крутой лестнице Синематеки вверх-вниз, напоминая сверху какого-то головастого кузнечика.

- Ты думаешь, он не свалится? - осторожно спросила Ши-Ю.

- Изумляет меня этот парень, - ответил Ноах. - Доброе утро, господин Доцент! Ну?

- Ну, ну и ну! - радостно крикнул Доцент, обнимая Ши-Ю за шею. - Баранки гну, как говорят в России.

- Как - как?

- Ба-ран-ки гну.

- Гну, понятно, - кивнул Ноах. - это такая антилопа⁴. Причем тут все-таки гну? Ты что-то сам мне напоминаешь это четвероногое. Рассказался с утра... Что-нибудь придумал?

- Двенадцать различных способов, - весело сообщил Доцент. - Но все неподходящие, все отверг. А где дачу будем устраивать?

- Вот там, внизу, - показал Ноах на низину, где редкая рощица оливковых деревьев постепенно переходила в пустыню, уходящую за горизонт к Мертвому морю.

- Не похоже, - уверенно, но без грусти сообщил Дохлик.

Они медленно прогуливались между оливами, увешанными еще зелеными, соблазнительно выглядящими плодами, один из которых Доцент сорвал и отправил в рот прежде, чем Ноах успел его остановить. От его отчаянных воплей и плевков стая куропаток в панике припустилась бежать вверх по склону, и испуганная сойка взвилась в воздух, бешено стрекоча.

- На, запей, - Ноах протянул Доценту свою жестяную флягу с водой, но заметил, что внимание его порывистого приятеля уже переключилось на другое.

Он шел, пригнувшись к земле, и что-то пристально высматривал, приставив ладонь козырьком ко лбу. Ноах перевел взгляд на Ши-Ю и заметил, что она тоже внимательно вглядывается в землю, осторожно переставляя лапы.

- Эй, - шепотом позвал Ноах, - вы чего это? Что там такое?

- Шипы, - объяснила панда, - приходится ставить каждую лапу отдельно, а то ужасно опасно, - она сделала большие глаза. - Можно уколо...

- Это все ерунда, - заявил Доцент, смотрите лучше внимательно, где здесь проходит зеленая черта⁵. А то как бы случайно не перешагнуть. Ее хоть как следует провели, не выгорела за лето? А то здесь такого понаросло...

На это Ноах совершенно не знал, что ответить. Но от необходимости отвечать его избавило появление двух очень примечательных фигур. Это был очень прямо сидящий в кресле на колесах старик, облаченный в белый костюм, и маленькая подвижная старушка в шляпе и с большим полевым биноклем, висющим у нее на шее.

- Daddy, look at that⁶! - звонким голосом воскликнула старушка, указывая на изумленно остановившуюся троицу.

- Oh, my⁷, - коротко ахнул старичок.

- Доброе утро! - вежливо сказал Ноах.

- Доброе, доброе, доброе утро! - радостно приветствовала их старушка. - Два мальчика и зверюшка. Я узнаю это существо...

- Ю-Ши, если не ошибаюсь? - спросил старик.

- Ши-Ю, - поправил Ноах. - Меня зовут Ноах, а это Феликс...

- Чрезвычайно приятно! - рявкнул старик в шлеме. - Полковник Его Величества артиллерийских сил в отставке Джисайя Малькольм Хоуп! А это моя единоутробная дочь Аделаида...

- Сесилия Хоуп! - закончила за него веселая старушка, - то есть Делли.

- Ах, эта американизмы, милая, - с упреком заметил полковник.

- Папе сто восемь лет, - радостно сообщила старушка. - У него несколько устарелые представления...

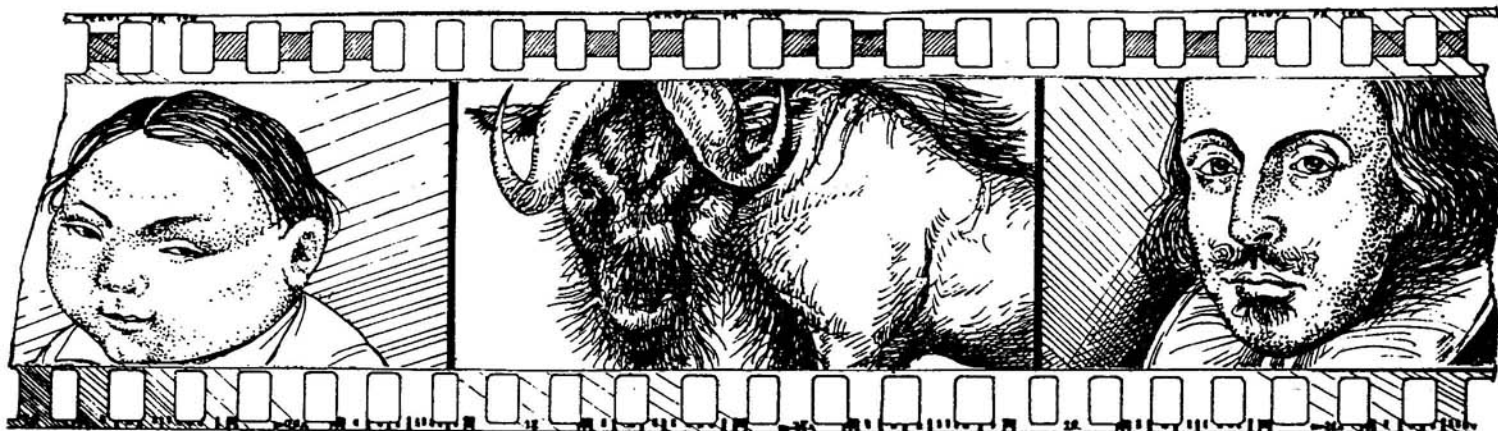
- До ста двадцати, - машинально произнес Ноах.

- Ух ты! - восхитился Доцент. - Англичане! Вот это да! Скажите, сэр, вы Шекспира -то видели?⁸

- Не довелось, - с сожалением ответил полковник, - но мне посчастливилось войти в Иерусалим с генералом Алленби.

- С тех пор папочка никак не может отсюда как следует выйти, - хихикнула Делли. - Мы живем наверху, в Абу-Торе, и часто здесь прогуливаемся по утрам. И я вожу папочку вверх-вниз, вверх-вниз. Но почему вы такие грустные?

- Они Левиафана из Библии хотят поймать, а у них денег нету, - затараторил Доцент. - Необходимы корабли водоизмещением много-много тонн, радиоаппаратура, международные



лицензии всякие, резервуары, акваланги, ныряющие блюда, осветительная аппаратура, согласие Организации Объединенных Наций, металлоконструкции, наблюдательная авиация, водонепроницаемая, полихлорвиниловая...

Делли так замахала на Доцента руками, что он, наконец, успокоился, и Ноах смог изложить суть проблемы более связно.

- А что, - задумчиво сказал полковник Хоуп. - Это весьма интересно, весьма интересно. Надо обдумать все в деталях.

1. Альфред Брэм - великий немецкий натуралист. Автор знаменитой энциклопедии "Жизнь животных", которую читают уже больше ста лет.

2. Доцент - ученое звание, почти профессор. Бывали еще какие-то приват-доценты, но чем они отличались от простых доцентов, автору неизвестно.

3. Гееном (геенна огненная) - не путать с гиенами пятнистой (*Hyena crocuta*) и полосатой (*H. striata*) - животными из отряда хищных. Жители древнего Иерусалима думали, что Гееном (Ги Бен-Хином) - это овраг, ведущий в ад. А современные жители города об этом и не вспоминают, когда идут в Синаматеку смотреть кино.

4. Гну (*Catoblepas gnu*) - африканская антилопа, известная своей резвостью и знаменитыми танцами, восхищавшими всех натуралистов.

5. Зеленая черта - граница Израиля до войны 1967 года. В некоторых местах она совсем стерлась, и ее невозможно разглядеть.

6. - Папа, взгляни! (англ.)

7. - Ой! (междометие, выражающее самые разные чувства, англ.)

8. Вильям Шекспир - великий английский поэт и драматург. Жил в конце шестнадцатого и начале семнадцатого века.



На следующий день в зоопарке состоялось совещание. Директор, к тому времени, начавший, по мнению Ноаха, впадать в анабиоз¹, изрядно приободрился, выслушав обстоятельную программу действий, изложенную престарелым полковником. Дело стало выглядеть вовсе уж не таким безнадежным, когда выяснилось, что премьер-министр Великобритании является его внучатым племянником, министр обороны США учился в юности верховой езде у его ближайшего друга по Эль-Аламейну², а губернатор Панамского канала был помощником буфетчика в родовом замке Хоупов в Девоншире. К этим весьма полезным связям можно было добавить еще несколько мелких фигур, вроде министра иностранных дел республики Белиз, контр-адмирала перуанского флота, министра гражданской авиации Мексики и прочих, чьими услугами также не следовало пренебрегать.

- Поверьте мне, мистер Дрори, - с жаром заявил полковник Хоуп, - что со времен Синайской кампании я чувствую себя несколько не у дел. Я назвал бы это затянувшейся отставкой. И мне чрезвычайно приятно вновь увидеть перед собой ответственную задачу. Как при Эль-Аламейне, черт возьми! - полковник браво стукнул кулаком по столу. - Начнем с нескольких телеграмм. А вы тем временем составьте список всего необходимого.

После деловой части была намечена экскурсия по зоопарку, которую директор обычно устраивал для самых важных посетителей, но в дверях его перехватила секретарша Илана с длинным списком дел на этот день, начинавшимся инспекцией вентиляционных установок в новом террариуме³ для тропических видов и завершавшимся совсем уже утомительным обязательством дописать, наконец, предисловие к книге его друга: "Восемьсот километров верхом на осминоге".

- Дай Бог управиться до двух часов ночи, - вздохнул директор, пробежав глазами список. - Плюс список снаряжения и припасов экспедиции. Сдаюсь, господин полковник, э-э... если вы не возражаете, мой сын... э-м-м.... Ноах проведет вас с дочерью по нашему, так сказать, ковчегу.

Полковник был в прекрасном расположении духа и всем восхищался. Аделаида у клеток с мартышками так хохотала, глядя на их проделки, что шляпка свалилась у нее с головы, а она сама стала багрово-красной.

- Уведите ее куда-нибудь, мальчик, - шепнул Ноаху полковник. - С детства она ни в чем не знает меры и не умеет держать себя в руках. Это может плохо кончиться.

Ноах показал им антилоп Ситатунга и удивительных оленей Давида. Райские птицы⁴ произвели на гостей сильнейшее впечатление.

По дороге к павильону болотных птиц их атаковал знаменитый какаду Кабрамарра. Он спикировал с дерева прямо на соломенную шляпку Делли и пронзительно крикнул, обращаясь, очевидно, к полковнику:

- Бр-р-раво, стар-рая гвар-рдия! Так дер-ржать! Ур-ра!

Пожилую даму снова пришлось отвлечь на что-то безобидное, вроде гигантской анаконды.⁵

- Давайте проведем Ши-Ю, - предложила Делли, - она такая прелесть!

Но в садике перед домом панды не оказалось. Несколько возмущенных посетителей, стуча по решетке, обменивались сердитыми замечаниями:

- Они специально прячут животное, чтобы заставить нас прийти снова, знаю я эти рекламные трюки!

- Да просто они ее давно умили!

- Я вам больше скажу - я всегда знала, просто хотела удостовериться - никакой панды вообще не существует. Это все дешевая коммерческая шумиха. А на самом деле...

Ноах знал, как Ши-Ю устает от бесчисленных зрителей, от щелчков фотоаппаратов, от тысяч указательных пальцев, призывных криков и гениальных изречений по ее поводу:

- Смотри, Шуки, если бы такой ковричек к нашему диванчику!

или:

- Шоши, Шоши, глянь-ка - пингвин!

Поэтому Ноах уже привык, что Ши-Ю иногда нарочно прячется в доме.

- Сегодня панды не будет, - официально объявил он недовольным посетителям. - К сожалению, у нас генеральная уборка помещения и переучет носорогов, зато в отделе низших приматов вы можете осмотреть уникальных ангвантибо и сифака.⁶

От этих слов все любопытные стали торопливо расходиться, как-то косо поглядывая на Ноаха, а шесть маленьких детей, которых толстенные родители испуганно потащили в сторону, радостно завопили хором:

PERUTZ RR 100



5 A

- Ба-ба-ти-ба и фи-фа-ка! Ба-ба-ти-ба и фи-фа-ка!

Когда у домика не осталось ни одного посетителя, Ноах перелез через ограждение и, попросив англичан подождать, вошел в домик Ши-Ю.

Она сидела в углу, печально уткнувшись носом в колени.

- Здра..., - сказала она очень тихо. - Я думала, что ты уже сегодня не придешь, а, может быть, вообще... я ждала до половины девятого, у меня внутри будильный колокольчик... а потом перестала. Зима, ночь без звезд, молчание, сны не хотели сниться...

- Пожалуйста, пожалуйста, прости меня, - пробормотал Ноах, чувствуя что если ничего не изменится немедленно, он умрет от отчаяния. - С этим Левиафаном...

- Да-да, - тихо сказала Ши-Ю и посмотрела в угол домика, где ровным счетом ничего не было. - С этим Левиафаном ты скоро станешь Бегемотом. Бе-ге-мо...

Ноах почувствовал, что у него по щеке покатилась большая горячая слезина. Она была такая большая и такая горячая, что ничуть не походила на знаменитую скупую мужскую слезу,⁸ о которой он много слышал.

- Не плачь, - шепнула Ши-Ю еще тише. - Все правильно. Старые игрушки отправляются в чулан, таков путь всего в этом мире. И я очень тебя прошу, не слушай эти глупости, ведь я знаю, что все это неправда, и когда ты вошел, я поняла, что ты меня не забыл, и ты совсем не виноват, и, в общем, смешно.. то есть, все будет, конечно, хорошо, как раньше... да не плачь же, а еще мальчик, просто, - Ши-Ю сокрушенно покачала головой, - я уже придумала эту фразу про старые игрушки, и мне было жалко ее не ска... и... и нельзя же перестать дуться так сразу, без всякого перехода... и... можешь меня погладить, если, конечно, хо...

Полковник с дочкой чинно ждали за оградой, рассматривая от нечего делать большую карту мира, укрепленную на щите, где были размещены маленькие фигурки животных, приколотые, словно мухи в энтомологической коллекции к горам, пустыням и островам, на которых они водятся в природе.

- Папа, я не выдержу, - заявила Дэлли. - Куда они запропастились? Нет, я не выдержу, я сигану через заграждение.

Полковник, привыкший к военной дисциплине, только сердито посмотрел на нее. Как раз в это время Ноах и Ши-Ю вышли из домика.

- Здравствуй, зверюшка! - Воскликнула пожилая дама. - Сейчас папочка скажет, то есть произнесет... ну, давай!

- Милые дети, - торжественно объявил полковник Хоуп, - я рад пригласить вас завтра утром на легкий завтрак в нашем доме. Моя дочь, Аделаида Сесилия Хоуп, испечет яблочный, так сказать, пирог. Надеюсь, вы не соскучитесь в обществе современников Оскара Уайльда.¹⁰ Передайте также приглашение вашему любознательному другу. Вот наш адрес.

И он протянул Ноаху свою визитную карточку.

12

В это время Доцент сидел у себя дома на кухне за столом. Перед ним стояла тарелка с горой пельменей, накрытых шапкой сметаны, словно ледником. Справа от него находился громадный кусок хлеба, густо намазанный маслом и облепленный кружками колбасы. Слева стояла большая пузатая чашка куриного бульона, затянутого янтарным жиром.

Отец с матерью стояли рядом и внимательно смотрели, как Феликс с кислым выражением лица лениво ковыряет вилкой один пельмень.

- Кушай! - Громко сказала мама Изабелла Исааковна. - Ты погибнешь тут в Израиле от чудосочных кошерных закусок. Кушай и набирайся сил, чтобы стать человеком.

- Я не хочу быть человеком, - мрачно заявил Доцент и отодвинул подальше от себя бутерброд.

- Ты с ума сошел от своих книжек, - заявила мама. - Ешь! Если бы ты читал не черт знает что, а русскую классику, ты знал бы, как важно стать настоящим человеком. И если бы ты нормально питался, тебе бы это удалось. Мересьева¹¹ выходили куриным бульоном. Еврейский пенициллин - вот что это такое. Веня, почему ты молчишь?

Вениамин Матвеевич закивал головой и, кашлянув, сказал:

- Надо кушать Феликс. Да-да. Надо быть человеком. Мама права.

- Я не хочу быть человеком и жрать, как свинья, - угрожающе огрызнулся Феликс.

- Как вам это понравится! - Возмутилась Изабелла Исааковна. - Мало того, что ты дохлик и ничего не ешь, так ты еще хамишь родителям. Где ты этому научился? Пора бы уже стать человеком...

Этого Дохлик не мог перенести. Он вертикально взвился вверх со стула, хлопнул вилкой по сметане, так что она вместе с пельменями разлетелась во все стороны и даже попала папе на

рубашку, и диким, пронзительным голосом завопил:

- Я не хочу быть человеком!

С этими словами он бросился вон из кухни, проскользнув мимо Изабеллы Исааковны, и заперся в туалете - единственной комнате, которая запиралась как изнутри, так и снаружи.

- Вот видишь, Изинька, - испуганно сказал жене Вениамин Матвеевич. - Сейчас он будет закатывать истерику. Нельзя так круто с Феликсом, он мальчик нервный. Вчера вечером все Артюра Рембо¹² читал...

Мама подошла к двери туалета, из-за которой доносилось грозное сопение.

- Феликс, - сказала она неожиданно ласковым голосом. - Ты, маленький, переутомился.

Сопение продолжалось.

- Если ты по поводу питания, - вкрадчиво продолжала мама, - то мы не настаиваем, главное витамины кушай. Эйнштейн кушал витамины.¹³

Сопение не прекращалось.

- Отец, почему ты молчишь? Ты должен вмешаться.

- Да-да, - подал голос папа. - Мама совершенно права.

Сопение усилилось.

- Отойди! - Возмутилась мама. - Ты с ним совсем не умеешь. Феликс, если ты выйдешь из туалета, то папа купит тебе потом, когда-нибудь, еще одну книжку.

- Когда? - Жестко спросил голос из туалета.

- С зарплаты, - ласково сказала Изабелла Исааковна. - Для среднего и старшего школьного возраста. А сейчас ты можешь, если хочешь, пойти подышать свежим воздухом, если то, что нам здесь предлагают можно назвать этим словом.

Дверь туалета приоткрылась, и круглая голова в очках высунулась наружу.

- Предупреждаю, я выйду при одном условии, - заявил Доцент. - Никогда, слышите, ни при каких делах, не говорите мне, что я должен стать человеком, тем более настоящим. Понятно? Иначе я сбегу из дома.

После этого состоялось примирение, при котором Дохлик согласился взять яблоко и поцеловать маму.

Сделав растроганным родителям ручкой, он вышел на улицу.

1. Анабиоз - временное состояние животных, когда исчезают почти все видимые признаки жизни. Иногда это случается и с людьми.

2. В сражении при Эль-Аламейне в Египте английская армия во время Второй мировой войны наголову разбила немецкую армию Роммеля.

3. Террариум - помещение для содержания пресмыкающихся и земноводных, где поддерживается искусственная температура воздуха.

4. Ситатунга (*Tragelaphus spekii*) - болотная антилопа. Олень Давида (*Elaphurus davidianus*) - назван не в честь царя Давида, а в честь французского священника отца Давида. Райские птицы (*Paradisinae*) - ярко окрашенные птицы, живущие на Новой Гвинее.

5. Анаконда (*Eunectes murinus*) - самый большой удав на свете. Некоторые путешественники рассказывают о своих встречах с анакондами двенадцатиметровой длины. Врут, наверно.

6. Ангвантибо (*Arctocebus minor*) и Сифака (*Propithecus verreauxi*) - животные, очень близкие к настоящим лемурам, которых в темные времена считали представителями нечистой силы.

7. Бегемот, как и Левиафан - гигантское чудовище из библейских пророчеств. Позже именем Бегемот назвали очень толстое животное, живущее в африканских реках (*Hippopotamus amphibius*).

8. Автор и сам ни разу не встречал ее в жизни.

9. Попросту говоря - коллекция насекомых.

10. Оскар Уайльд - знаменитый английский поэт и драматург, значительно моложе Шекспира.

11. Летчик Мересьев - герой книги Б. Полевого "Повесть о настоящем человеке", которую вам, слава Богу, наверное, никогда не придется читать.

12. Артюр Рембо - французский работородец, в детстве писавший изумительные стихи. Является ли он родственником знаменитого Рэмбо, автору неизвестно.

13. Альберт Эйнштейн создал знаменитую и мало кому понятную теорию относительности. Что касается его пристрастия к витаминам, то об этом не вспоминает ни один из его современников.

(Продолжение следует)

ПОЧЕМУ У СИАМСКОЙ КОШКИ СИНИЕ ГЛАЗА?

(сиамская сказка)

Кошка сиамской принцессы Шуй-Ши-Сы была очень умной и любила много читать. Она прочитала все кги в библиотеке принцессы, и каждый день ей присылали новые книги из разных стран. Кошка читала их чаще всего по ночам, когда ей не надо было играть с Шуй-Ши-Сы, при свете одной тонкой свечи. Понятно, что зрение у кошки испортилось, ведь это очень вредно для глаз читать при плохом освещении. И кошка пожаловалась принцессе Шуй-Ши-Сы. Принцесса сказала: "Тебе необходимо заказать очки!" И велела лучшим мастерам изготовить очки для своей любимой кошки. Мастера подумали: "Очки для любимой кошки нашей любимой принцессы Шуй-Ши-Сы должны быть самыми удивительными, прекрасными и лучшими очками в мире". И приказали лучшим ювелирам принести лучшие драгоценные камни. Из лучших драгоценных камней мастера отобрали два сапфира, потому что по своей красоте эти сапфиры напоминали саму принцессу Шуй-Ши-Сы, вернее ее лучезарные глаза. Из драгоценных камней мастера изготовили стекла для очков. Когда принцесса и кошка увидели готовые очки, то очень обрадовались. "Я теперь буду похожа на тебя, о моя повелительница", - сказала кошка, и с тех пор никогда не расставалась со своими очками. Вот почему у сиамских кошек глаза синие и лучезарные, как драгоценный камень сапфир или очи принцессы Шуй-Ши-Сы.

ПОЧЕМУ У СИАМСКОЙ КОШКИ ТЕМНЫЕ ЛАПКИ?

(сиамская сказка)

Потому что принцесса Шуй-Ши-Сы, когда ее любимая кошка промочила ноги в ручье, на берегу которого каждый вечер принцесса Шуй-Ши-Сы и кошка читали стихи древних китайских поэтов под печальную мелодию флейты, сама связала теплые шерстяные носки кофейного цвета. Эти носки очень напоминали те, которые носили древние китайские поэты. И кошка говорила: "Эти шерстяные носки кофейного цвета напоминают мне одновременно и о прекрасных китайских поэтах, и о прекрасной принцессе Шуй-Ши-Сы." И с тех пор у сиамских кошек на лапках красуются великолепные носки кофейного, а может быть, даже шоколадного цвета.





Рисунок Александра Гуревича

ПОЧЕМУ У СИАМСКОЙ КОШКИ ХВОСТ КРЮЧКОМ?

(сиамская сказка)

Давным-давно жила в Сиаме принцесса Шуй-Ши-Сы. И была у нее любимая кошка. Это была очень красивая и умная кошка. Принцесса Шуй-Ши-Сы никогда не расставалась с ней. Она велела построить кошке уютный домик в самом красивом месте дворцового парка и кормила кошку самыми лучшими яствами из дворцовой кухни. По вечерам Шуй-Ши-Сы сидела с кошкой на берегу ручья и играла на флейте печальные мелодии, а кошка читала ее стихи древних китайских поэтов. Часто принцесса писала письма своим друзьям в дальние страны, и кошка внимательно перечитывала эти письма и исправляла ошибки. Вернее, она говорила Шуй-Ши-Сы, в каком слове какая ошибка, а принцесса сама переписывала письмо начисто. Но однажды добрая Шуй-Ши-Сы угостила кошку апельсиновым мороженым. Кошке так понравилось мороженое,



*Михаил
Король*

*(Из Новой
Народной
Книги
для чтения)*



что она съела не только свою порцию, но и порцию принцессы, а также еще три порции слуг. А к вечеру у кошки разболелось горло и пропал голос. Принцесса повязала любимице пушистый теплый шарф, и они не пошли на берег ручья, а остались дома сочинять письма лапландскому принцу. У Шуй-Ши-Сы получилось очень красивое письмо и почти без ошибок. Кошка прочтала письмо и осталась довольна. Но только в одном месте принцесса ошиблась. Она написала: "Дорогой принц, как ваше здоровье" и забыла поставить вопросительный знак. Кошке очень хотелось исправить эту ошибку, но голоса-то у нее не было. И тогда кошка загнула кончик хвоста крючком наподобие вопросительного знака и стала тереться о ноги принцессы. Но Шуй-Ши-Сы не поняла, какую ошибку хочет исправить кошка, и не стала переписывать письмо принцу. Лапландский принц, получив письмо, ужасно расстроился. Он был очень обидчив, этот принц, и решил, что далекая принцесса Шуй-Ши-Сы издевается над ним, раз она позабыла поставить вопросительный знак в таком важном предложении. И в ответ принц не написал ни слова, а лишь нарисовал большой вопросительный знак. Принцесса рассматривала этот рисунок несколько часов подряд и не могла понять его значения. Но вдруг она взглянула на кошку и увидела, как ее хвост похож на вопросительный знак. И Шуй-Ши-Сы все поняла. С тех пор она всегда внимательно следила, какие знаки ей подает кошка при проверке ошибок в письмах, а у сиамских кошек с тех пор нет голоса, но зато кончик хвоста загнут крючком - ну, совсем как вопросительный знак!

В Ж **З И** **Р В** **О О** **С О** **Л М** **Ы** **М**



Леня Фромзель, 5 лет

- А где мотор и колесики? - Спросил Леня, когда ему подарили черепаху.

Миша Ватник, 10 лет

- Какая собака? О чем говорить? Родители предлагают удовлетвориться сестренкой.

Толя Басин, более 50 лет и Маня Король, более 5 лет

Маня купала волнистого попугая в холодной воде, и у того со временем стали выпадать перья. Басин увидел его, несчастного, и воскликнул:

- Э, да у вас никак гриф живет?

- Какой гриф? Это просто лысый Боря!

Ася Трофимова, 6 лет

- Жил-был жираф со своей жирафиной...

Буля Риненберг, почти 5 лет

- Мама, когда папа говорит: "Ах ты, животное!", это значит: "Ах ты, зверюшка"?

Фима Риненберг, 4 года

- Я придумал про зверюшек песню!

"Мне ничего не надо,

И курица-помада,

А я - хороший зайчик,

Живу я, как трамвайчик"...

- Фимуля! Ты же то же самое уже придумал! Было - хороший мальчик!

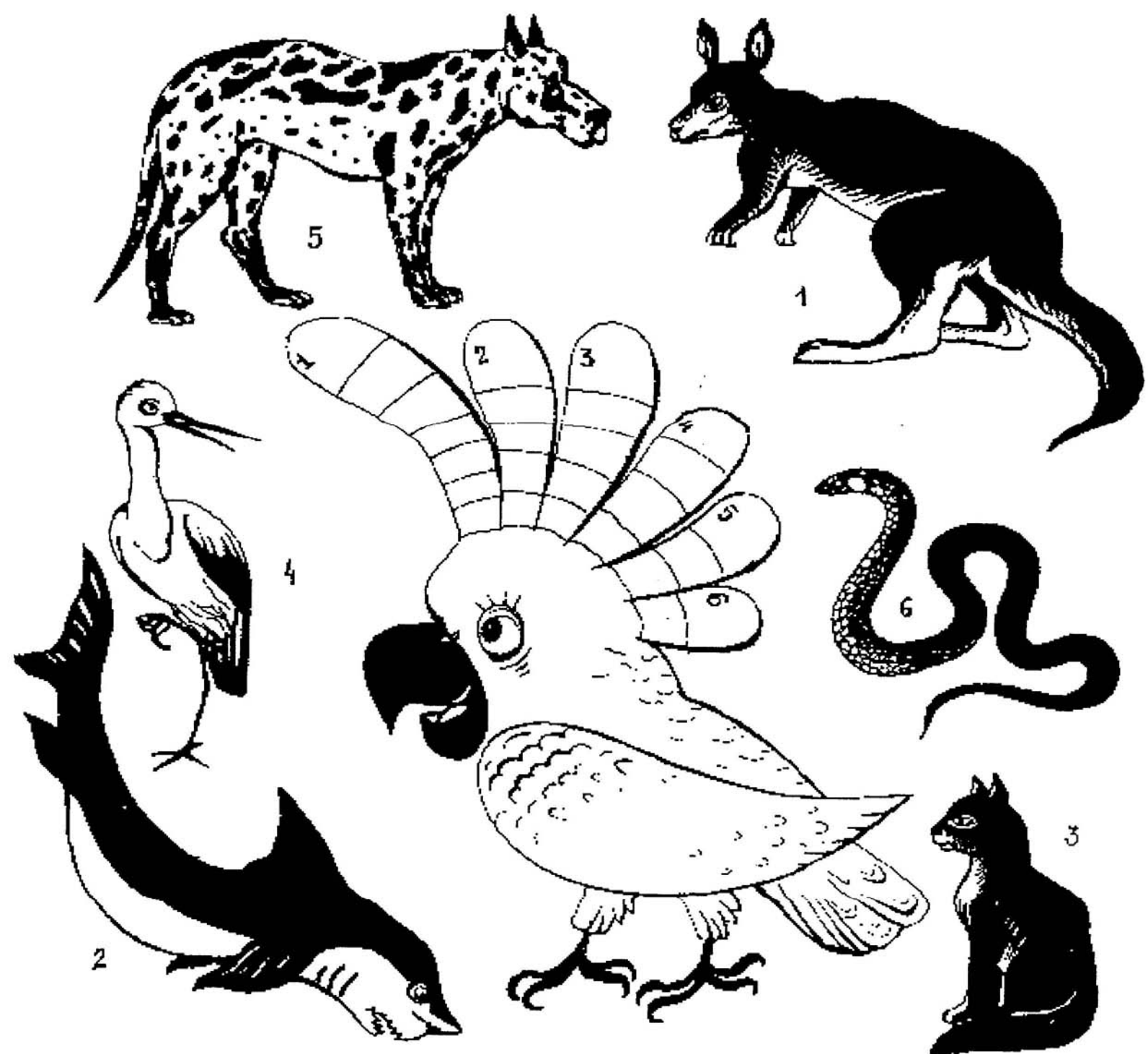
- А сейчас я - зайчик!

Илюша Ротенберг, 2 года

- Горилла - не собака.

- Розовые фламинго - их надо кормить.

Заставка Мани Король



Впишите по порядку названия животных в клеточки хохолка загадочной птицы – и вы узнаете, как ее зовут.